

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Василий (Кривошеин), архиеп.

ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ СВ. ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО

Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего
Экзархата, 1968, № 62-63, с. 122-150

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ СВЯТОГО ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО*)

Не так легко говорить об экклезиологии св. Василия Великого. Сам св. Василий не оставил никакого труда, где бы он излагал свое учение о Церкви. Нигде он не говорит о нем систематически. Мы вынуждены следовательно искать в его творениях отдельные и разбросанные среди них места, где он говорит о Церкви, всегда впрочем как бы мимоходом и обыкновенно очень кратко. Такие места находятся почти во всех писаниях св. Василия Великого — в его Шестоднев, в Беседах на Псалмы, в его Словах, в книгах против Евномия, в книге о Святом Духе, в Аскетических Писаниях и, особенно, в его Письмах. Последние для нас особенно интересны, так как, наряду с высказываниями о Церкви, они выявляют также жизненное отношение великого архиепископа кесарийского к церковным вопросам своего времени, его реакцию на церковные события. Это жизненное отношение св. Василия пополняет и делает более понятными его отдельные мысли о Церкви, разбросанные в его творениях. Основываясь таким образом на всех этих данных, мы можем в общих чертах установить учение о Церкви св. Василия Великого. Нужно только избегать излишней систематизации (1).

Отметим прежде всего, что св. Василий говорит о Церкви иногда в единственном (ἡ ἐκκλησία), иногда во множественном числе (αἱ ἐκκλησίαι). Оба образа выражаться встречаются приблизительно одинаково часто, но можно заметить, что, в то время как множественное число преобладает в его Письмах, св. Василий говорит о Церкви преимущественно в единственном числе в своих остальных творениях (2). Это можно объяснить тем обстоятельством, что в своих Письмах св. Василий говорит о Церкви в ее конкретном историческом явлении, следовательно в ее проявлении как множества поместных церквей, в других же своих творениях он более останавливается на богословской и духовной стороне Церкви.

*) Доклад прочитанный (с сокращениями) на Пятом Международном Съезде Патрологов в Оксфорде, 19 сентября 1967 г.

(1) Отметим, среди трудов, посвященных экклезиологии св. Василия Великого:

Lukas Vischer. Basilius der Grosse. Untersuchungen zu einen Kirchenvater des vierten Jahrhunderts. 3 Kapitel. Die Kirche. S. 52-72. Basel, 1953; Pierre Battifol. L'ecclésiologie de saint Basile (= Echos d'Orient 21 (1922) p. 9-30); V. Grumel. Saint Basile et le Siège Apostolique (= Echos d'Orient 21; p. 80-92); Emmanuel Amand de Mendieta. Basile de Césarée et Damase de Rome (= Biblical and Patristic Studies in Memory of Robert Pierce Casey). Herder, 1963, pp. 122-166. Γεώργιου Καρμίρη. Ἡ ἐκκλησιολογία τοῦ Μεγάλου Βασιλείου. Ἐν Ἀθήναις 1958; Ἰ Καρμίρη. Ἡ ἐκκλησιολογία τῶν τριῶν ἱεραρχῶν. Αθήναι 1962;

(2) По множеству примеров их невозможно привести. См. цитаты в настоящей работе.

Св. Василий не дает никакого определения природы или сущности Церкви. Такого рода определение было бы в противоречии с гносеологическими принципами св. Василия, всегда утверждавшего (особенно против Евномия) непостижимость и невыразимость сущности всех вещей, даже тварных. Может быть также сознание тайны Церкви побуждало св. Василия воздерживаться от определения ее сущности. Но, если он избегает делать определения природы Церкви, он, наоборот, часто пользуется библейскими образами для ее описания. Церковь есть тело и это тело — Телю Христово. «Господь наш Иисус Христос, согласившийся назвать своим телом всю Церковь Божию и каждого из нас в отдельности сделавший членами друг друга, даровал всем нам быть близкими ко всем по согласованности, свойственной членам» (3). Глава его Христос и одна душа должна его оживлять, «дабы сохранялась бы такая же последовательность и добрый порядок (какой существует в теле), гораздо более в Церкви Божией, которой было сказано: «Вы — тело Христово, а порознь члены», то есть, что единая и единственно истинная глава, которая есть Христос, содержит каждого и сочетает с другим в согласии» (4). Св. Василий противопоставляет единство членов тела Христова разделением церквей своего времени: «Мы были бы воистину нелепейшими всех людей, если бы мы радовались расколам и разделением церквей, и не считали бы величайшим благом сочетание членов тела Христова» (5). Члены этого тела, разделенные пространством, соединены между собою любовью. «Что, в самом деле», пишет св. Василий, «могло бы быть более приятным, чем видеть тех, кто разделен таким расстоянием, связанных единством любви во единую гармонию членов в теле Христовом?» (6). Глава этого тела сам Христос, которому Церковь повинуетя и которому мы поклоняемся. Так, толкуя слова 44-го псалма «И возжелает Царь красоты твоей, ибо он Господь твой, и ты поклонись ему», св. Василий (для которого царица псалма предобразует Церковь) говорит: «Необходимость подчинения указывается словами «ибо он Господь твой»... (псалмопевец) не сказал: «Тебе поклонятся с дарами», но «Лицу твоему», ибо не Церковь бывает поклоняема, но Глава Церк-

(3) Ер. (Письмо). 243.1 l.(= lignes) 4-8 (изд. Courtonne, Paris, 1966, t. III); P. G. 32.904 A; cf. Ps. (Беседы на Псалмы) 29.5 (P. G. 29, 305 B); Ер. 222 (P. G. 32.820 A).

(4) Jud. 3 (о суде Божиим) (P. G. 31.660 A).

(5) Ер. 156.1 l. 12-16 (Courtonne, Paris, 1961, t. II); P. G. 32, 613 C D. Имеется в виду раскол Павлина в Антиохии.

(6) Ер. 70.1. 6-8 (Courtonne, Paris, 1957, t I; P. G. 433 B). Письмо Дамасу.

ви Христос, названный в Писании Лицем» (7). Вот почему Христос является вселенским епископом Церкви, «великим и истинным епископом, наполняющим всю вселенную своими чудесами, Господом» (8).

Церковь есть также Храм Божий, место истинного поклонения, наследница синагоги Ветхого Завета. Так, толкуя Ис. 28 ст. 3: «Поклоняйтесь Господу во дворе святом Его», св. Василий пишет: «Поклонение совершается не вне Церкви, но в самом дворе Божиим. Не придумывайте мне, говорит псалмопевец, особых дворов и собраний. Существует только один святой двор Божий. Двором была раньше синагога иудеев, но после их греха против Христа, их поселение стало опустелым. Поэтому Господь и говорит: «У меня есть и другие овцы, которые не принадлежат к этому двору». Говоря о язычниках, предопределенных ко спасению, Он указывает на особый двор, отличный от иудейского. Следовательно не подобает поклоняться Богу вне этого святого двора, но находясь внутри него» (9). Церковь есть Божий град, где обитает Его народ. Св. Василий говорит об этом в своем толковании слов 45-го псалма: «Потоки рек веселят град Божий... Бог среди него». «Итак эта река», пишет он, «радует весь град Божий, то есть Церковь тех, жизнь которых находится на небесах» (10). Это одновременно и небесный и земной град: «Так как Бог находится среди града, Он дарует ему непоколебимость, оказывая ему помощь при первых восходах света. Поэтому имя града подходит как к горнему Иерусалиму, так и к дольней Церкви» (11). Посредством крещения мы становимся гражданами этого Божия града. «Приди же», призывает св. Василий в своей Беседе, побуждающий ко святому Крещению, «перемести себя всецело ко Господу, дай себе самому именование, запишись гражданином вместе с Церковью» (12). Крещением мы записываемся в книгу Церкви, чтобы стать небесными гражданами: «За все это ты понесешь ответственность, как воин Христов, как подвижник благочестия, как имеющий жительство на небесах. Запишись в эту книгу, чтобы быть переписанным в горнюю» (13).

Св. Василий Великий пользуется многими другими биб-

(7) Ps. 44. 10 (P. G. 29. 409 C).

(8) Ep. 50.1 l. 19-21 (P. G. 32. 388 B).

(9) Ps. 28.3 (P. G. 29. 288 A B)

(10) Ps. 45.4 (там же 421 C).

(11) Ps. 45.5 (там же 424 B).

(12) Hom. (Беседа) 13.3 (P. G. 31.440 A).

(13) Hom. 13.3 (там же); cf. Hom. 13.1 (там же, 425 A).

лейскими образами, как ветхозаветными, так и новозаветными, когда он говорит о Церкви. Она дом Божий. В своем толковании на Пс. 29 ст. 1 Обновление дома Давидова) св. Василий, спрашивает: «Может быть следует мыслить под «домом» Церковь, строяемую Христом, как об этом пишет и Павел в послании к Тимофею: Дабы ты знал, как нужно вести себя в доме Божием, который есть Церковь Бога живого» (14). Церковь есть дом, постоянно строящийся Самим Христом. Это мысль очень близкая Пастырю Ермы, изображающему Церковь в виде башни, построение которой непрерывно продолжается. Это также дом молитвы (15). Церковь Царица и Невеста: «Предстала Царица одесную Тебя», толкует св. Василий 44-ый псалом, ...«Здесь псалмопевец говорит о Церкви, о которой мы узнали в Песни Песней, что одна совершенная Христова голубица, которая принимает в правое от Христа место узнаваемых по их добрым делам, различая их от злых, как пастырь различает агнцов от козлов» (16). Она также Дочь Царева, порожденная любовью: «(Царь) призывает Церковь слушать и соблюдать Его повеления и делает своей близкой наименованием, именуя ее дочерью, как бы усыновляя ее любовью: Слыши, дщи, и виждь» (17). Можно видеть, как в этих толкованиях библейских образов, единственность Церкви сильно выражена (один двор, одна голубица и т.д.). Другие многочисленные метафоры для обозначения Церкви встречаются также в творениях св. Василия: море (18), поле (19), виноградник (20) и т.д. Наконец, Церковь кормилица, питающая нас благочестием (21).

Если Христос Глава Тела Церкви, то Дух Святой, покоющийся на плоти Христовой, всегда в ней присутствует. (Дух Святой), говорит св. Василий, «был изначально вместе с самой плотью Господа, быв ее помазанием и неотделимо присутствуя в ней согласно с написанным: На ком ты увидишь Дух нисходящий и пребывающий на Нем, тот Сын мой возлюбленный; и: Иисуса из Назарета, которого помазал Бог Духом Святым. В дальнейшем всякое действие (Христа) совершалось в присутствии Духа... Он не покинул Его и по воскресении. Ибо Господь, обновляя человека и возвра-

(14) Ps. 28.1 (P. G. 29.308 A).

(15) Ps. 132 (P. G. 30.116 C).

(16) Ps. 44.7 (P. G. 29.405 A).

(17) Ps. 44.10 (там же 409 A)

(18) Нехаем (= Шестоднев) 4.7 (P. G. 29.93 C).

(19) Там же 5.5 (там же 104 C)

(20) Там же 5.6 (там же 108 B).

(21) Ном. 2.3 (P. G. 31.189 A).

щая ему благодать дуновения Божия, потерянную им, дунув в лицо учеников, что сказал? — «Примите Дух Святой. У кого вы оставите грехи, они будут оставлены; а у кого вы их удержите, будут удержаны» (22). Всегда присутствующий, Дух Святой вдохновляет и образует строение Церкви, Тела Христова: «А строение Церкви», спрашивает св. Василий, «не ясно ли и несомненно, что оно действенно Духом? Ибо Он, как говорит ап. Павел, дал Церкви во первых апостолов, во вторых пророков, в третьих учителей, далее силы, далее дарования исцелений, заступления, управления, виды языков. Этот строй учрежден соответственно с разделением даров Духа» (23).

Церковь, как мы видели, место истинного поклонения Богу. Это поклонение, однако, воздается Богу в Духе Святом. (Писание говорит) «о Духе», учит нас св. Василий, «Вот место около меня, стань на скале. Что другое называет оно «местом», как не созерцание в Духе?... Это собственное место истинного поклонения: «Итак внешне говорит Писание, не приносить всеожжений на всяком месте, но в месте которое избрал Господь Бог Твой». Что же такое духовное всеожжение? Жертва хваления. В каком же месте мы ее приносим, как не в Духе Святом? Откуда мы этому научились? От Самого Господа говорящего, что «истинные поклонники будут поклоняться Отцу в Духе и Истине» (24). Так что, имея в виду, что Церковь, для св. Василия, как и Святой Дух, была также местом истинного поклонения, можно было бы сказать, что для него Церковь отождествлялась со Святым Духом, вернее была Его проявлением. Отметим также выражение «жертва хваления» (*ἡ θυσία τῆς αἰνέσεως*), которая должна приноситься Богу в месте, выбранном Им (То есть во Святом Духе и в Церкви). Можно здесь усмотреть намек на Евхаристию, которая таким образом является основной деятельностью Церкви, совершаемой Духом Святым.

Этот Святой Дух дается всем верующим во Христа и записанным гражданами Града Божия, который есть Церковь: «И в настоящее время праведник пьет воду живую и в будущем будет пить изобильнее, когда он будет записан гражданином Града Божия» (25). В другом месте, св. Василий говорит, истолковывая слова Пс. 45 ст. 5 «Речные устремления веселят град Божий»: — «Что это за река Божия, если не Дух Святой, получаемый достойными по вере

(22) S.S. (= О Святом Духе) 16.39 (P. G. 32.140 C D).

(23) S. S. 16.39 (там же 141 A).

(24) S. S. 26.62 (там же 181 D-184 A)

(25) Ps 45.4 (P. G 29.421 B).

уверовавших во Христа» (26). Действия лиц, управляющих церквами, вдохновляются Святым Духом. «Не считайте, что дело идет о человеческом решении», пишет св. Василий духовенству Колонии по поводу перемещения их епископа на другую кафедру, «или что оно было принято по мотивам людей, думающих о земном, но будьте убеждены, что при содействии Духа поступили так те, кому поручено попечение о церквах Божиих. Запечатлейте в ваших умах этот источник их решения и постарайтесь его исполнить» (27).

Церковь Христова есть также Церковь апостолов и отцов. От них она получила учение, оставленное нам нашим Господом, выраженное в Предании, закрепленное в Писании. Сами апостолы являются наследниками патриархов Ветхого Завета. Св. Василий таким образом толкует ст. 16 Пс. 44-го «Вместо отцов твоих родились сыновья твои; ты поставишь их князьями по всей земле»: — «Кто следовательно сыновья Церкви? То есть сыновья Евангелия, получившие власть над всей землей... Даже если кто примет патриархов за отцов невесты, то и так смысл выражения будет относиться к апостолам, ибо они вместо патриархов стали для нее сыновьями Христовыми» (28). Поэтому можно говорить об апостольской вере, которая в то же время является «верою отцев.., которую и мы приняли и узнали, как отмеченную апостольскими чертами» (29). Можно также говорить об апостольской проповеди (30). Среди апостолов св. Василий как будто уделяет особое место некоторым из них, не уточняя однако в чем именно оно состоит. Это во первых группа апостолов, присутствовавших при Преображении, Петр, Иоанн и Яков. «Петр и сыновья громовы видели Его красоту на горе, сияющую более светлости солнечной и были достойны воспринять своими очами предначатки Его славного пришествия» (31). Это в особенности ап. Петр, «из за превосходства веры принявший на себя построение Церкви» (32). Или в другом месте: «Блаженный Петр, предпочтенный среди всех апостолов, один более всех засвидетельствованный и провозглашенный блаженным, кому были доверены ключи Царства Небесного, когда слышит от Господа: «Если не умою тебя, не будешь иметь части со

(26) Там же (там же 421 С).

(27) Ер. 227 1.17-22 (Р. G. 32.852 С).

(28) Пс. 44.12 (Р. G. 29.413 В).

(29) Ер. 92,3 1.43-45 (Р. G. 32.474 А).

(30) Ер. 105.1 1.16 (513 А).

(31) Пс. 44,5 (Р. G. 28.499 С D).

(32) Еуп. (= Против Евномия) 2 4 (Р. G. 29.580 А).

мною», какое и сколь каменное сердце не умолит к страху и трепету суда Божия?» (33). Это место, внушенное 16-ой главой от Матфея в сочетании 22-ой от Луки, хотя и значительное в смысле понимания признаваемого св. Василием места ап. Петра в Церкви, имеет тем не менее преимущественно духовно-нравственный характер. Св. Василий хочет показать своим слушателям на примере ап. Петра, что величайшие дары благодати не могут нас предохранить от возможности падения, если мы доверяем своим собственным силам. То же самое (и даже большее) может быть сказано относительно других текстов, в общем немногочисленных, об ап. Петре. Это прежде всего духовные увещания и уроки смирения и послушания, выведенные из падения Петра, и которые можно кратко выразить следующим образом: если такой человек как ап. Петр мог пасть, то тем более каждый из нас. Так, например, в своем слове «О смирении» св. Василий обращается к своим слушателям со следующим нравственным наставлением: «Если же ты даже этого не понимаешь, что ты получил благодать, как дар, но делаешь из благодати собственное достижение, все же ты не более почтен чем блаженный апостол Петр. Ты не сможешь также превзойти любовью ко Господу так сильно Его любящего, чтобы и желать умереть за него. Но так как он высказался с высокоумием, сказав: «Если и все соблазнятся о Тебе, то я никогда не соблазнюсь», он был предан человеческой трусости и впал в отречение, умудряемый ошибкою ко благочестию и научаемый щадить немощных, познавать свою собственную немощь и ясно сознавать, что, как, утопая в пучине, он был удержан десницею Христовой, так и в водовороте соблазна он чуть не погиб от неверия, но был сохранен силою Христовой, который и предсказал ему будущее, говоря: «Симон, Симон, вот, сатана просил, чтобы сеять вас, как пшеницу. Но я молился, чтобы не оскудела вера твоя, и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих». И Петр, избалованный таким образом, стал с основаньем опасаться, наставляемый отвергать дерзость и щадить немощных» (34). Как мы видим, св. Василий признает великую любовь ап. Петра ко Христу, хотя сравнивает ее не с любовью ко Христу других апостолов, а с любовью каждого из нас. Вместе с тем он подчеркивает его человеческие немощи и показывает, что его любовь и верность Христу были исключительно даром благодати. Слова Христа к ап. Петру он понимает, как пророчество о его падении

(33) *Jud.* 7 (P. G. 31.672 A).

(34) *Hom.* 20.4 (P. G. 31.532 C-533 A).

и восстановлении в апостольском достоинстве после покаяния. Трудно сделать из всего этого какой-нибудь определенный экклезиологический вывод. Более интересным в этом отношении представляется нам место из его Монашеских Правил, где св. Василий настаивает на обязанности настоятелей монастырей давать отчет о своей деятельности по возвращении из поездок. В качестве примера св. Василий указывает на случай крещения сотника Корнилия апостолом Петром и говорит: «Петр по возвращении в Иерусалим дает отчет о своем общении с язычниками тем, кто там находился» (35). Следовательно, по мысли св. Василия, ап. Петр должен был отдавать отчет о своей деятельности другим апостолам.

Преемниками апостолов являются епископы. Св. Василий часто говорит о значении епископата в церковном теле. Пастыри это как бы бараны, идущие перед стадом, наставляющие его, ведущие его на пажити и защищающие его (36). Народ христианский должен видеть в них своих отцов, и все вместе, духовенство и народ, должны иметь одну душу: «Поэтому мы молимся день и ночь», пишет св. Василий, «Царю веков сохранить народ в полноте веры, сохранить же для него и духовенство, как неповрежденную главу, находящуюся на высоте и подающую свою помощь нижележащим членам тела. Ибо когда глаза действуют сообразно со своим назначением, искусной бывает и работа рук, беспрекословны и движения ног и ни одна часть тела не лишена подобающего попечения» (37). Епископ отец народа, соединенный с ним узами любви и сыновнего уважения: «Вот почему», продолжает св. Василий Великий, «просим вас то, что вы делаете и будете делать, держаться друг друга; вас, которым доверено попечение о душах, поддерживать каждого в отдельности и согревать, как чад возлюбленных; а народу сохранять подобающую вам, отцам, честь и уважение, чтобы в благообразии церковном сохранялась бы ваша сила и твердость веры во Христа, имя же Божие прославлялось, преумножалось бы и возрастало благо любви» (38). Церковь и епископ тесно связаны друг с другом: «Я одобряю», пишет св. Василий духовенству Колонии, «пламенность вашего расложения к вашему пастырю. Ибо как нестерпимо отцелюбивому ребенку лишение доброго отца, так не выно-

(35) *Regula fusius tractatae* (= Монашеские правила обширные). 44.2 (P. G. 31.1032 A B).

(36) Ps. 28.2 (P. G. 29.284 A C).

(37) Ер. 222 l. 29-37 (P. G. 32.820 A).

(38) Там же l. 37-45 (там же 820 A B).

симо для Церкви Христовой удаление пастыря и учителя» (39). Епископ ангел возглавляемой им церкви: «Вас огорчает», пишет св. Василий священникам никопольским, изгнанным из их церквей вместе со своим епископом, «что вы были выброшены из стен (церковных), но вы водворитесь под кровом Бога небесного и ангел, назирающий на вашу церковь (ὁ τῆς ἐκκλησίας ἑφορός) удалился вместе с вами» (40). Сам Господь дарует добрых пастырей тем, кто искренне просит об этом: «Ваше дело просить о нем, сохраняя ваши души чистыми от всякой склонности к спорам и любви к первенству», пишет св. Василий церкви неокесарийской, «а дело Господа указать его, Господа, который начиная с великого покровителя вашей церкви Григория... всегда (давал вам пастырей), сочетая их, как один драгоценный камень к другому, даруя чудесную красоту вашей церкви. Так что не следует отчаиваться о их преемниках. Ибо знает Господь своих и выведет посреди вас того, которого вы, быть может, и не ожидали» (41). «Восстаньте для необходимой заботы о церкви», пишет он в другом письме церкви парнасской, «чтобы Бог святой позаботился о своем стаде и подал бы вам пастыря по Своей воле, пасущего вас с искусством» (42). Такой епископ, испрошенный народом, дарованный Богом, становится настоящим кормчим церковного корабля: «Итак мужайся и укрепляйся и иди впереди народа, доверенного твоей деснице Всевышним», пишет св. Василий св. Амфилохию, епископу иконийскому после его рукоположения, «и как мудрый кормчий, возвысившись волею над всякой бурей, воздвигаемой еретическими ветрами, сохраняй корабль непотопляемым солеными и горькими волнами злославия, в ожидании тишины, которую сотворит Господь, когда найдется голос, достойный воздвигнуть Его на запрещение волнения морского» (43).

Должность и достоинство епископское не мыслится св. Василием, как независимое или отдельное от совокупности церковной, но в спожении и общении с братьями по епископству. «Прошу тебя», пишет св. Василий епископу атарвийскому, «выброси из души твоей мысль, что ты не нуждаешься в общении с кемнибудь другим. Не свойственно человеку, ходящему путем любви и исполняющему закон

(39) Ер. 227 л. 3-7 (852 А).

(40) Ер. 238 л. 20-23 (889 В).

(41) Ер. 28.2 л. 142-51 (309 А).

(42) Ер. 62 л. 15-19 (417 С D).

(43) Ер. 161.2 л. 1-7 (629 В С).

Христов, отрезать себя от общения с братьями» (44). Можно даже сказать, что для св. Василия общение с другими епископами было признаком Православия тогда как разрыв его был разрывом с Церковью (45). Здесь возникает, однако, вопрос о лже-епископах в противоположность подлинным епископам Христовым. Лже-епископы это прежде всего оппортунисты, меняющие свои верования вместе с обстоятельствами, креатуры гражданских властей. «Только не будьте обманутыми их лживыми словами», пишет св. Василий священникам никопольским, «возвещающим правоту веры, ибо таковые христопродавцы, а не христиане, всегда предпочитающие полезное для них в этой жизни, жизни согласной с истиной. Когда же они думают, что приобрели эту пустую власть, они становятся на сторону врагов Христа; когда же увидят, что народ возмущается против них, они снова притворяются православными. Я не признаю епископом и не причислю к иереям Христовым того, кто мирскими руками был выдвинут на властвование для разрушения веры» (46). Но это особенно еретики. Св. Василий многократно пишет об их действиях против церквей и душ: «Мы не оплакиваем разрушение земных построек», пишет св. Василий папе Дамасу, «но захват церквей. Не рабство телесное, но пленение душ, производимое ежедневно, как мы видим, защитниками ересей» (47). Ересь — это гниение Церкви. Например: «Отвратительная манихейская ересь, назвав которую гниением церквей, мы не уклонимся от должного» (48). Правда, дело здесь идет о крайней ереси, выходящей из рамок христианства. Еретики стремятся нарушить тишину церковную: «Если море прекрасно и похвально пред Богом», говорит св. Василий, обращаясь к верующим церкви кесарийской, «то насколько прекраснее собрание этой церкви, в которой, подобный шуму некой волны раздается согласный голос мужчин, женщин и детей, возносимый к Богу в наших молениях. А глубокая тишина сохраняет ее без волнения, так как ветры злобы не могут возмутить ее еретическими речами» (49). Ересь уподобляется св. Василием плевелам: «образ подделывающих учения Господа и не подлинно научившихся Слову, но развращенных учением лукавого, смешивающихся со здоровым телом Церкви, чтобы незаметным образом внушить свои вредные заблуждения простым лю-

(44) Ер. 65 л. 26-30 (421 С D).

(45) Ер. 204.7 ст. 179-180 (С-756 В).

(46) Ер. 240.3 л. 1-10 (897 А В).

(47) Ер. 70.1 л. 45-49 (436 В).

(48) Нехаем. 2.4 (Р. G. 29.36 D-37 А).

(49) ib. 4.7 (93 С).

дям» (50). Это не мешает тому, что с нравственной точки зрения еретики ведут часто добрую жизнь и могут даже служить примером для православных: «Часто необходимо нам преумножать в себе силу к добру даже от чуждых вере. Ибо если ты увидишь язычника или когонибудь оторванного от Церкви из за какойнибудь ухищренной ереси, но заботящегося о целомудренной жизни и о всем другом нравственном благочинии, напрягай более твое рвение, чтобы стать подобным плодоносной смоковнице, которая в присутствии других смоковниц собирает свои силы и, удерживая истечения своего сока, с большим тщанием питает свой плод» (51). Как бы то ни было, долг Церкви бороться против ересей, и чтобы делать это с успехом, христиане должны быть едиными. «Знай же», пишет св. Василий епископу Атарвию, «что если мы не предпримем за церкви туже борьбу, какую ведут противники здравого учения с целью их разрушения и полного исчезновения, то ничто не будет препятствовать уничтожению истины, опрокинутой врагами, а мы в известной мере не избежим осуждения за то, что не показали, со всяким тщанием и ревностью, в согласии друг с другом и в единодушии по Богу, возможной заботы об единении церквей» (52). Необходимо, хотя иногда весьма болезненно, отделяться от еретиков во имя истины: «Вам врачам», пишет св. Василий главному врачу Евстафию, «не желательно жечь больного или заставлять его страдать какимнибудь другим образом, но вы на это соглашайтесь, следуя за требованиями болезни; Мореплаватели также не добровольно выбрасывают груз, но чтобы избежать кораблекрушения переносят выброску груза, предпочитая жить в бедности, чем смерть. Поэтому и ты мысли, что и мы болезненно и со многими рыданиями переносим разделение с отделившимися от нас, переносим однако, потому что для любящих истину ничто не предпочтительнее Бога и надежды на Него» (53). Поэтому не надо быть безразличными к евхаристическому общению с еретиками. «Мы вас просим», пишет св. Василий, «воздерживаться от (литургического) общения (κοινωνίας) с еретиками, зная что безразличие в такого рода вещах лишает нас нашего дерзновения перед Христом» (54). Порывая свое общение с еретиками, православные препятствуют им распространять их болезнь посредством

(50) ib. 5.5 (104 В С).

(51) ib. 5.7 (112 В С).

(52) Ер. 65 л. 17-26 (Р. Г. 32,421 С).

(53) Ер. 151 л. 18-27 (608 D).

(54) Ер. 262.2 л.19-22 (976 А).

непредусмотрительного евхаристического общения (55). Принятие еретиков в Церковь должно происходить с согласия всей Церкви. «Соблаговолите послать нам», пишет св. Василий изгнанным епископам Египта, «предложения, на основании которых вы приняли последователей Маркелла, зная одно, что если вы очень хорошо приняли предосторожности в том, что касается вас самих, вы не должны были оставить одним себе столь важного дела, но следовало бы сделать общниками и согласными с восстановлением (последователей Маркелла) в Церкви (епископов), как Запада, так и на Востоке» (56). Во всяком случае, еретики должны отказываться от своих заблуждений прежде чем быть принятыми в Церковь. Этого требует единство Церкви: «Так как (Маркелл) вышел из Церкви из за его нечестивых догматов, необходимо, чтобы его последователи анафематствовали его ересь и таким путем были бы допущены к общению, чтобы соединяемые с нами через ваше посредство, были бы приняты всем братством» (57). Важно отметить, что для св. Василия была существенная разница между Церковью и ересью, так что не следует говорить о воссоединении с еретиками, но о их возвращении в единую Церковь. Так, св. Василий пишет еп. Петру Александрийскому, что «нас не смогут укорять за то, что мы присоединились к последователям Маркелла, наоборот, они стали членами тела церковного, так что злостное порицание, созданное ересью, исчезло благодаря нашему принятию их и нам не приходится стыдиться, как если бы мы присоединились к ним» (58).

Однако, разрыв церковного общения оправдан только когда дело идет о действительно существенных вопросах христианской веры, основных для нашего спасения. Нет ничего более достойного сожаления, чем разделения по причинам не относящимся непосредственно к вере. Эта установка св. Василия, миролюбивая и всецело вдохновляемая заботой о христианском единстве, но, вместе с тем, твердая, когда дело идет о существенном содержании христианского благовествования, очень для него характеристична. «Вот что является, несомненно, наиболее вызывающим сожаление, это то, что видимо здоровая часть разделилась сама на себя», пишет св. Василий италийским и галльским епископам. И продолжает: «У нас, вдобавок к открытой войне против нас еретиков, возникшая еще со стороны наших, как будто

(55) Ер. 263.2 (977 А).

(56) Ер. 265.3 1.35-41 (989 С-992 А).

(57) ib. 1. 3-8 (989 А).

(58) Ер. 266.1 1.41-46 (993 А В).

бы единомышленников, война довела церкви до последней слабости» (59). Православие часто становится предлогом для оправдания враждебности, источники которой ничего общего не имеют с богословием. «Некоторыми», пишет он в том же письме, «защита якобы православия придумана как оружие для войны друг с другом. Прикрывая свою личную вражду, они притворяются, что враждуют из за благочестия» (60). Хорошо известно, как далеко заходил св. Василий Великий на этом пути «догматической икономии» в своем стремлении к христианскому единству и благу церковному. Для объединения всех сил против арианства, св. Василий избегал лично называть Святого Духа Богом и не требовал от других открытого исповедания Его Божества в качестве условия принятия в православие, а только безсловного принятия никейской веры и анафематствования тех, кто утверждал, что Дух Святой тварь. (61). Эта осторожная позиция св. Василия подвергалась резкой критике некоторых его современников. Однако, его разрыв с Евстафием Севастийским, колебавшимся принять этот догматический минимум, ясно показывает, что для св. Василия существовали точные границы в этой богословской икономии, которые он никогда не соглашался переступить во имя мира и единства Церкви, хотя он и желал их всей душой. Так, он пишет св. Афанасию Александрийскому: «Мы должны стремиться все считать второстепенным сравнительно с миром» (62). Или в другом месте: «Что более сладко для слышания, чем имя мира? И что более свойственно священным лицам или более угодно Господу, чем совещаться о таких предметах?» (63). Св. Василий увещает своих собратий епископов работать для единства и мира церковного: «Как велико благо мира, какая необходимость говорить об этом сынам мира? Но так как эта великая и чудная и желанная всем любящим Господа вещь подвергается отныне опасности превратиться в одно лишь имя, так как из за умножения беззакония у многих остыла любовь, то я думаю, что у подлинно и истинно служащих Господу должно быть одно старание это, вернуть к единству церкви, разделившихся

(59) Ер. 92 1.23-32 (481 С).

(60) Ер. 92.2 1.25-28 (480 С).

(61) Ер. 125.3 1.1-50 (P. G. 32.549). cf. Hermann Doerries. De Spirito Sancto. Der Beitrag des Basilius zum Abschluss des trinitarischen Dogmas. Goettingen, 1956, S. 35-49: Die Friedensurkunde (Er 125).

(62) Ер. 69 2 1.37-38 (P. G. 32.433 A)

(63) Ер. 151.1 1.3-5 (613 С).

друг от друга многообразно и на много частей» (64). И он продолжает: «В самом деле, ничто так не свойственно христианину, как творить мир; поэтому и Господь обещал нам за это величайшую награду» (65). Св. Василий часто возвращается в своих письмах к теме об единстве Церкви и о путях, ведущих к нему. «Состояние Церкви», пишет он, «всецело уподобилось... старой одежде, легко раздираемой по любому предлогу, и не способной снова вернуться к первоначальной крепости. В таких обстоятельствах нужно великое старание и многая забота, что бы в чемнибудь оказать благо церквям. А благодеяние это соединение того, что было расторгнуто. Соединение могло бы произойти, если бы мы захотели быть снисходительными к самым слабым в том, где нет никакого вреда для душ» (66).

И он продолжает, формулируя конкретные условия воссоединения: «Итак, не будем требовать ничего большего, но предложим желающим соединиться с нами братьям никейскую веру; а если они с нею согласятся, мы попросим их допустить, что не должно называть Святого Духа тварью и не иметь общения с теми, кто это говорит. Сверх же этого, прошу у вас, ничто не должно быть требуемо нами. Ибо я убежден, что при более долгом взаимном общении и при совместных обсуждениях, лишенных духа спорливости, если и что другое должно будет быть прибавленным для ясности, Господь подаст это, во всем содействующий тем, кто любит Его» (67).

Этот текст очень важен. Твердо настаивая на необходимости догматического соглашения по основным вопросам, как неотменном условии церковного воссоединения, св. Василий допускает, что другие вопросы, менее важные может быть, но все же богословские, ибо дело шло о Божестве Святого Духа, могут быть разрешены уже после воссоединения при помощи «совместных обсуждений без духа спорливости (τῆ ἀφιλονεικῆ συγγυμνασίᾳ)», при чем само время и факт быть объединенными (χρονιωτέρα συνδιαγωγῆ) будет содействовать их разрешению.

Как мы видим, отношение св. Василия к христианским разделением своего времени определяется главным образом богословскими и духовными причинами, а также соображениям о благе Церкви, то есть прежде всего о ее мире

(64) Ер. 114 11-9 (528 В).

(65) Там же 1.11-13 (там же).

(66) Ер. 113 1.15-24 (525 С D).

(67) Там же 1.32-41 (528 А).

и единстве. Св. Василий не теряет из виду этих соображений в своем 188-м письме к Амфилохию Иконийскому, но здесь он скорее становится на юридическую и каноническую почву в своем различении среди церковных разделений ересей, расколов и незаконных сборищ (*παράσυναγωγαί*). Св. Василий рассматривает вопрос о действительности крещения у отделившихся от Церкви группировок (как катары и другие). «Древние считали, что нужно принимать такое крещение, которое ни в чем не уклоняется от веры. Поэтому, они называли (одни уклонения) ересями, другие расколами, другие незаконными сборищами. К ересям принадлежат совершенно оторвавшиеся и отчужденные по самой вере, к расколам отделившиеся от других по каким нибудь церковным причинам и вопросам, способным быть излеченными, к незаконным сборищам собрания, устраиваемые непослушными пресвитерами или епископами и невоспитанными людьми. Например, если бы кто нибудь, избалованный в проступке, был запрещен в служении и не подчинился правилам, но стал бы для себя притязать на председательство и служение и ушли бы вместе с ним некоторые, оставив католическую Церковь, то это было бы незаконным сборищем. А раскол это имеет относительно покаяния мнения отличные от мнения церковных людей. Пример ересей — манихеи, валентиане, маркиониты и эти самые пепузиане, ибо здесь сразу же разница относительно самой веры в Бога» (68). Интересно отметить, что св. Василий приводит здесь в качестве примеров ереси самые крайние секты, выходящие даже из рамок христианской религии, как мы уже отметили выше на стр. 131. Среди них он не упоминает арианство. Отметим также, что в этом документе канонического характера встречается выражение «католическая Церковь» (*ἡ καθολικὴ ἐκκλησία*) весьма редкое, может быть даже единственное в писаниях св. Василия, если не считать его цитирования анафематствованнй Никейского Собора — «анафематствует католическая и апостольская Церковь» (69). Св. Василий всегда говорит «Церковь», без всяких прибавлений.

Утверждая таким образом, что все эти группировки покинули католическую Церковь, св. Василий все же признает, что раскольники в известном смысле принадлежат еще ей, так что раскол скорее является внутрицерковным разделением. Отсюда вытекает иное отношение к их тайнствам: «Поэтому было признано правильным первоначальными (от-

(68) Ер. 188.1 1.7-24 (665 A B).

(69) Ер. 125.2 1.16 (548 D)

цами) совершенно отвергать (крещение) еретиков, а (крещение) отколовшихся, как еще происходящих из Церкви, принимать» (70). А по отношению к лицам из незаконных соборщ, св. Василий идет дальше: их можно принимать в Церковь в сущем сани: «А тех», пишет он в том же письме, «которые состоят в незаконных соборщах, исправленных достойным покаянием и обращением, вновь соединять с Церковью, так что часто лиц в (священном) сани, упедших вместе с непокорными, после того, как они покаются, принимают в том же сани» (71). Все же можно сказать, что общее отношение св. Василия к раскольничьим рукоположениям отрицательно в принципе, хотя, может быть, и несколько смягчено по соображениям церковной пользы. Св. Василий с трудом признает действительность раскольничьего священства, что имеет последствием подведение под сомнение крещения, совершаемого отделившимися от Церкви священникам. «Начало их отделения», пишет он, «произошло путем раскола. У отступивших от Церкви не было уже передачи благодати из за перерыва преемства. Ибо первые удалившиеся имели рукоположения от отцов и через возложение их рук имели духовное дарование, но оторвавшись, став мирянами, не имели власти ни крестить, ни рукополагать, не будучи уже в состоянии подавать другим благодать Духа Святого, от которой они сами отпали. Поэтому (древние отцы) повелели вновь очищать истинным крещением церковным приходящих к Церкви от них, как крещенных мирянами. Но так как некоторыми из (церквей) Азии было угодно, ради пользы многих (*οἰκονομίας ἐνεκα τῶν πολλῶν*) принимать их крещение, то да будет оно принято» (72). И немного дальше: «Я считаю следовательно, что, так как относительно их у меня нет по преданию никакого установления, нам следует отвергать их крещение; и если кто из них его получил, крестить, когда он вступает в Церковь. Но если из этого получится препятствие общей пользе (*τῆ καθόλου οἰκονομίας*), то нужно прибегать к обычаю (то есть не повторять крещения) и следовать за отцами, действовавшими здесь «по икономии» (73). Нужно сказать, что утверждения св. Василия, касающиеся таинств, совершаемых вне Церкви, не ясны и даже кажутся противоречивыми. Это можно объяснить тем обстоятельством, что они обусловлены тремя факторами, не так легко согласуемыми между собою: бого-

(70) Ср. 188.1 1.25-26 (665 В-668 А).

(71) Там же 1.28-31 (779 А).

(72) Там же 1.50-65 (668-669 А).

(73) Там же 1.69-74 (669)

словескими соображениями, обычаями древних и «икономией», то есть заботой о благе душ и Церкви. Богословские аргументы с неумолимой логикой говорили, что всякое лицо, отделившееся от Церкви, теряет дар благодати, прерывает этим фактом преемство и не может дать другому, чем само не обладает. Следовательно, таинства вне Церкви не действительны. Но кто на самом деле отделен от Церкви? Еретики, несомненно. Что же касается раскольников, то св. Василий, как мы видели, приводит мнения «древних», согласно с которыми они еще как то принадлежат Церкви и потому их крещение должно быть признано. Древние обычаи, впрочем весьма различные в разных поместных церквах, говорят здесь в пользу икономии. Св. Василий как будто является сторонником строгости, но по соображениям «икономии» не отвергает обычаев древних. Что же касается рукоположений, то вопрос о них возникает только относительно лиц, принадлежащих к незаконным соборам. Св. Василий как будто бы говорит, что они сохраняют свое священническое достоинство в незаконном соборнице, что видно из того, что они его вновь получают, когда возвращаются в Церковь, но пока они остаются в этих соборах, они подобны мирянам и не в состоянии никого рукополагать действительно. Все это не совсем ясно. Одно, однако, несомненно: для св. Василия Церковь является единственной сокровищницей сакраментальной благодати, источником которой является апостольское преемство. Как бы то ни было, Церковь не обязана сообразовать свой образ действий с образом действий раскольников. Если они признают наши таинства, это не заставляет нас признавать их таинства, ибо нет никакого сравнения между Церковью и расколом. «Если они (энкратиты)», пишет св. Василий, «сохраняют наше крещение, это не должно нас трогать, ибо мы не обязаны отплачивать им за их вежливость, но исполнять в точности каноны» (74).

Как мы уже видели много раз, единство было для св. Василия существенным признаком Церкви. Это единство может быть понято прежде всего, как единственность, в смысле, что существует только одна истинная Церковь Господня. «Существует только один святой двор Божий», где следует поклоняться Богу и этот двор есть Церковь, говорит св. Василий в уже цитированном нами тексте (75). Это также единство Церкви, простирающейся по всей вселенной и выявляемой поместными церквами: «Один народ все надею-

(74) Там же 1.77-80 (669 В С).

(75) См. сн. 9.

щиеся на Христа и одна Церковь все (принадлежащие) Христу, хотя она именуется по различным местностям» (76). Это единство вселенской Церкви выражается в единстве веры и таинств, как во времени, так и в пространстве. «Вера у нас», пишет св. Василий, «не одна в Селевкии, другая в Константинополе, другая в Зиле и в Лампсаке и еще другая в Риме, также как и теперь проповедуемая не отлична от предыдущих, но одна и таже. Как мы приняли от Господа, так крещаемся; так веруем, как крещаемся; как веруем, так и славословим» (77). И св. Василий продолжает: «Пребывайте в вере, оглянитесь кругом во вселенную и вы увидите, что это больное место маленькое, а вся остальная Церковь, от края до края (вселенной) принявшая Евангелие, держится этого здорового и неизвращенного учения» (78).

Тем не менее, ни географическая всемирность, ни множество членов, не являются признаками истинной Церкви, так как истинные христиане малочисленны и часто бывают преследуемы. «В вас», пишет св. Василий монахам, преследуемым арианами, «должен быть спасенным остаток благочестия, который пришедший Господь найдет на земле. А если епископы были прогнаны из церквей, это не должно вас колебать; если предатели возникли среди самих клириков, даже это не должно потрясать ваше доверие к Богу. Ибо нас спасают не имена, но намерения и истинная любовь к Создавшему нас... Не множество спасается, но избранники Божии. Так что никогда да не устрашает вас народное множество, носимое туда и сюда ветрами, как вода морская. Если даже один только спасется, как Лот в Содоме, он должен пребывать в правильном суждении, имея непередвигаемую надежду на Христа, ибо не оставит Господь преподобных Своих» (79).

После веры, епископат в его единстве является для св. Василия наиболее видным выражением единства Церкви. Епископы могут конечно, впадать в заблуждения и даже изменять православие, но в своей целостности они выражают веру Церкви. Вот почему общение с епископатом является признаком принадлежности к Церкви. Так, в своем письме к жителям Неокесарии, заметив, что «было бы справедливее судить о нас не на основании одного или другого из не ходящих по прямому пути к истине, но по множеству епископов, соединенных с нами во всей вселенной благодатью Го-

(76) Ер. 161.1 1.17-19 (629 В).

(77) Ер. 251.4 1.3-9 (937 В).

(78) Там же 1.22-26 (937 D).

(79) Ер. 257.2 1.3-10, 14-20 (948 А).

сподней» (80), св. Василий упоминает некоторых из них, принадлежащих к совершенно различным областям, и прибавляет: «Все они посылают нам письма и в свою очередь получают их от нас. Из тех, которые посылаются нам, вы можете узнать, а из тех, которые мы отсюда посылаем им в ответ, вы можете научиться, что мы все единодушны и единомысленны. Так что убегающий от общения с нами, да не останется это скрытым от вашей совести!, отрывает себя от всей Церкви» (81). Отметим здесь, что обмен письмами между епископами рассматривается св. Василием, как знак их единства в вере. Соборы епископов, собранные в духе согласия и истины, еще в большей степени являются им. Их решения вдохновляются Святым Духом. Таков, для примера, Никейский Собор. Вы должны «знать», пишет св. Василий, «что 318 отцов, собравшиеся там в духе неспорливости, проговорили там не без действия Святого Духа» (82). Отметим, впрочем, как осторожно выражается здесь св. Василий Великий. Вообще, однако, у св. Василия нельзя найти развитого богословского учения о соборах. Он признает Никейский Собор и формулированную на нем веру. Это единственный авторитетный для него собор. Обыкновенно же он ссылается на епископат в его целом и на его общую веру. Однако, только от общего собора, где были бы собраны в большом количестве епископы Востока и Запада, св. Василий ожидал окончательного разрешения и исцеления всех разделений и уклонений в вере, от которых страдала Церковь его времени. Он делал все от него зависящее, чтобы сделать возможным и ускорить созыв такого Собора, как мы это увидим ниже, когда будем говорить об отношениях св. Василия с Римом.

Св. Василий выделял все же среди епископата, представляющего в своей цельности Церковь и управляющего ей, некоторые епископские кафедры и некоторые церковные личности, как имеющие особое влияние и нравственный авторитет в жизни вселенской Церкви. Среди этих кафедр и личностей с особым влиянием, нужно прежде всего указать на Александрию и на ее архиепископа, св. Афанасия Великого. Св. Василий не устает повторять свои выражения любви и уважения к престарелому архиепископу Александрийскому. Он подчеркивает много раз его значение в жизни Церкви. Св. Афанасий получил от Бога попечение не только о своей епархии, как другие епископы, но и о всей Церкви:

(80) Ер. 204.7 1.1-4 (753 С).

(81) Там же 1.9-15 (755 С-756 А).

(82) Ер. 114 1.30-32 (529).

«Большинству других епископов достаточно смотреть каждому за тем, что его касается, тебе же это не достаточно, но твое попечение о всех церквах столь же велико, как и о твоей собственной, доверенной тебе общим Владыкой» (83). Для св. Василия св. Афанасий вершина, господствующая над всеми: «Мы подумали», пишет ему св. Василий, «дать самое подходящее начало делам, если мы прибегнем к твоему совершенству, как к вершине (*κορυφήν*) всех, и будем пользоваться тобою, как советником и вождем в делах» (84). «Мы считаем подобающим», пишет он в другом письме св. Афанасию, «чтобы в заботе о церквах самая большая часть падала бы на твою мудрость» (85). Или еще: «Чем более преумножаются болезни церквей, тем более все мы обращаемся к твоему совершенству, убежденные, что в бедах нам остается одно утешение, твое предстательство, ты, который и силой молитв и как знающий предложить самое лучшее решение в делах, способен спасти нас от этой страшной бури, как этому верят все в равной мере, как и мало и по слухам знающие твое совершенство, так и лично тебя знающие. Поэтому не переставай молиться о наших душах и воздвигать письмами» (86). Как мы видим, св. Василий был уверен, что его убеждение о роли св. Афанасия в Церкви разделялось всеми. Св. Афанасий «врач недугов церковных, сбереженный для нас нашим Господом» (87). Он «наш честнейший отец и епископ» (88). Он кормчий, с помощью Божией управляющий церковным кораблем: «Кто кормчий», спрашивает он, «способный править в таких обстоятельствах? Кто настолько заслуживающий доверие, чтобы восставить Господа запретить ветру и морю? Кто другой, как не тот, кто с детского возраста подвизался в подвигах благочестия?» (89). От него должна исходить всякая инициатива в церковных делах (90). Отношение ко св. Афанасию является для св. Василия критерием Православия: «Ревностная преданность блаженнейшему Афанасию», пишет св. Василий иеромонаху Асхолию, «является самым ясным показателем здравых убеждений в самых важных вопросах» (91). Нет сомнения, что центральное место, признаваемое

(83) Ер. 69.1 1.4-8 (429 В).

(84) Там же 117-20 (429 С).

(85) Ер. 66.1 1.14-15 (424 С).

(86) Ер. 80 1.1-10 (456 А).

(87) Ер. 82 1.5-7 (460 В).

(88) Ер. 90.1 1.4-5 (472 С).

(89) Ер. 82 1.19-22 (460 В).

(90) Там же 1.27-29 (460 В).

(91) Ер. 154 1.23-25 (612 А).

за св. Афанасием св. Василием, больше объясняется уважением и любовью его к этому борцу за православие, нежели тем обстоятельством, что св. Афанасий занимал александрийскую епископскую кафедру. Тем не менее, важность этой кафедры увеличивала авторитет и влияние того, кто ее занимал. Это можно увидеть из того факта, что св. Василий признавал тот же долг заботы о церквях, какую имел св. Афанасий, за его преемником Петром Александрийским, которого он, однако, совсем не ценил. «Ты хорошо и как свойственно духовному брату», пишет св. Василий ему, «наученному истинной любви от Господа, упрекнул меня за то, что мы тебе не делаем известным все, что происходит здесь, малое и великое. В самом деле, тебе подлежит заботиться о наших делах, а нам доносить твоей любви о наших» (92).

Это почти что признание долга архиепископа александрийского интересоваться делами церкви кесарийской и долга архиепископа кесарийского извещать о них Александрию. Дело, однако, как показывает этот текст, не идет о юридическом обязательстве и о праве вмешательства, но о выражении братской любви. Отметим еще, что архиепископ александрийский был единственным иерархом, которого св. Василий именует папой. Например: «Блаженнейший папа Афанасий», как он пишет в одном из своих писем (93).

Другой кафедрой первостепенной важности в Церкви была для св. Василия кафедра антиохийская. Конечно, можно объяснить это отношение св. Василия к Антиохии тем обстоятельством, что эту кафедру занимал его друг, св. Мелетий, которого он очень ценил. В действительности было скорее наоборот: св. Василий так настаивал на оставлении св. Мелетия в Антиохии, потому что эта кафедра занимала столь важное положение в Церкви. Для него она была главой, от которой зависело здоровье всего тела. «Что ты должен», пишет он св. Афанасию, «по примеру мудрейших из врачей, начать с заботы о самых жизненно необходимых членах, это ты сам знаешь лучше всякого другого. Но что может быть более жизненно важным для церквей во вселенной, чем Антиохия? Если бы ей случилось возвратиться к единомыслию, ничто бы не препятствовало ей, как выздоровевшейся голове (*κεφαλήν*), передать здоровье всему телу» (94). Св. Василий замечает также, что церковь антиохийская «подвергается особенной опасности стать целью козней врага, злопамятствующего ей за то, что ее (чадам) впер-

(92) Ер.266.1 1.1-4 (992 В).

(93) Ер. 258.3 1.15 (952 А).

(94) Ер 66.2 16-13 (425 В).

вые было дано имя христиан» (95). Апостольское происхождение антиохийской кафедры имело, следовательно значение для св. Василия, не предохраняло, однако, эту церковь от опасностей. Можно было бы привести еще много свидетельств св. Василия о значении, приписываемом им тому или иному епископскому престолу (например, Неокесарии в виду того, что преемство ее епископов восходит к св. Григорию Чудотворцу) (96); но чтобы не слишком затягивать доклад, обратимся непосредственно к отношению св. Василия Великого к западным епископам и, в частности, к епископу римскому (97).

Не входя в исторические подробности, мы можем сказать, что общее отношение св. Василия к Западу определялось его обостренным сознанием единства Церкви, где бы она ни была, на Востоке или на Западе. В то же время, хорошо зная по опыту положение на Востоке, он очень сомневался, чтобы восточные церкви, раздираемые в то время арианской ересью и расколами и угнетаемые императорской властью, враждебной Православию, могли бы своими собственными силами победить ересь и восстановить свое единство. Он считал, что западные церкви, объединенные между собою и сохранившиеся от ересей, могли действительно помочь восточным церквям освободиться от бед, от которых они страдали. Св. Василий пламенно желал такой братской западной помощи и делал все от него зависящее, чтобы ее добиться, не жертвуя, однако, верою, которую он исповедывал, канонической правдою и преданиями христианского Востока.

«Я сам давно знаю», пишет св. Василий св. Афанасию, «по присущему мне скромному пониманию вещей, и я понял, что для наших церквей существует только один путь им помочь, а именно единодушные западных епископов. Если бы они только захотели воспринять ту же ревность, которую они проявили по поводу одного или двух, обличенных на Западе в злославии, по отношению и к живущим в наших местностях, может быть и получилась бы какая нибудь общая польза, так как властители устремились бы за множеством, внушающим доверие, а народ повсюду последовал бы за

(95) Ер. 258.3 1.3-6 (949 С-952 А).

(96) Ер. 21.3 1.3-4 (772 А).

(97) По этому вопросу см. отличное исследование Д-ра E. Amand de Mendieta (сноска 1). В настоящей статье мы рассматриваем преимущественно идеологическую сторону спора св. Василия с Дамасом, мысли и экклезиологические позиции св. Василия, которые можно из него вывести, не входя в исторические подробности, уже столько раз описанные историками.

ними без возражения» (98). И он умоляет св. Афанасия: «Пошли несколько человек от находящейся под твоим управлением святой церкви, мужей сильных во здравом учении, к епископам на Западе, поведай им объявшие нас несчастья, подскажи им способ заступиться за нас» 99). Как мы видим, св. Василий всегда обращается к *епископам* Запада, их множество, единство в вере и ревность о ней производят на него впечатление. Эта западная помощь мыслилась, впрочем, св. Василием, как уплата долга, потому что вера христианская родилась на Востоке и отсюда она распространилась на Запад. «Необходимо», пишет он епископу иллирийскому Велериану, «чтобы вера на Востоке была обновлена вами и чтобы вы своевременно возвратили ему те блага, которые вы от него получили» (100). Большое число западных епископов, могущих принять участие на соборе, представлялось св. Василию очень важным. «Необходимо присутствие большего числа братьев», пишет св. Василий итальянским и галльским епископам, «чтобы прибывшиеполнили состав собора, дабы не только от достоинства пославших их, но и от собственной численности, они были бы достойны доверия в деле исправления» (101). Таким образом, св. Василий ожидал спасения веры от вселенского собора с массовым участием западных епископов. Такое массовое участие западных епископов представлялось св. Василию тем более важным, что по самому факту, что они прибыли бы столь издалека, их нелегко было бы подозревать в пристрастии. «Наше слово», пишет св. Василий западным епископам, «кажется подозрительным для многих, как будто бы мы из за каких нибудь личных соперничеств заняли по отношению к ним позицию, основанную на мелочных чувствах. Вы же, насколько далеко от нас стоите, настолько более вы будете считаться достойными доверия в народе... Если же и вы в вашем множестве совместно вынесите тоже решение, то ясно, что множество постановивших сделает бесспорным приятия всеми постановления» (102). Здесь снова массовое участие западных епископов на соборе должно было, по мнению св. Василия, обеспечить торжество православия.

Эти многочисленные письма, в которых св. Василий умоляет о помощи с Запада, адресованы или западным епи-

(98) Ер. 66 1 1.15-24 (424 В С).

(99) Там же 1.32-35 (424 D-425 А).

(100) Ер. 91 1.25-27 (476 С).

(101) Ер. 92.3 1.16-19 (481 В С)

(102) Ер. 263 2 1.17-27 (977 А В).

скопам вообще или западным епископам определенных областей, как Италия или Галлия, или некоторым западным епископам лично, как Амвросий Медиоланский или Валериан Иллирийский, у которых св. Василий надеялся найти поддержку, или, наконец, некоторым восточным личностям, как св. Афанасий Александрийский, котморые могли оказать влияние на западных. Во всей переписке св. Василия имеется только одно письмо, 70-е, написанное в 371 году, в котором он обращается непосредственно к римскому епископу, папе Дамасу, который, впрочем, никогда не ответил на это письмо. Это заставляет нас рассмотреть отношение св. Василия к римской епископской кафедре и к римскому примату вообще.

Отметим прежде всего, что места из творений св. Василия, рассмотренные выше, где он говорит об ап. Петре, каково бы ни было их значение, не могут много помочь правильно понять отношение св. Василия к Риму, так как в его писаниях нельзя найти какого либо соотношения между ап. Петром и римскими епископами. Никогда он не говорит о Риме, как о кафедре св. апостола Петра, ни о его епископах, как об его преемниках. Он не употребляет выражения «апостольская кафедра» для обозначения римской епископии, ни слова «папа» для обозначения епископа римского. Как мы видели, этот титул употребляется им только по отношению к архиепископу александрийскому. Отношения с Римом занимают, однако, значительное место в переписке св. Василия, хотя, как мы видели, он всего один раз писал лично папе Дамасу. В этом письме, братском, достойном и почтительном, св. Василий просит папу возобновить древние узы любви, соединявшие некогда Восток и Запад, и помочь восточным церквам в их теперешних трудностях. «Обновлять установления древней любви», пишет св. Василий, «и возводить снова к прежнему расцвету мир отцов, этот небесный и спасительный дар Христов, завядший от времени, для нас необходимо и полезно, приятным же, прекрасно знаю, покажется и твоему христоролюбивому расположению. Что, в самом деле, могло быть более приятным, чем видеть тех, кто разделен таким множеством стран, связанных единством, содеянным любовью, во едино согласие членов в теле Христовом?» (103). Св. Василий настаивает, что эта взаимная помощь церквей друг другу является древним всемирным обычаем, но что она особенно свойственна церкви римской. «Во всяком случае», пишет он, «мы не ищем чего

(103) Ер. 70 1.1-9 (433 В).

нибудь нового, но обычного и для других древних блаженных отцов и боголюбивых мужей и, особенно, для вас» (104). И, приведя ряд исторических примеров помощи Рима церквям Востока (посылка писем с утешениями и денег для церкви кесарийской во время одного нашествия варваров), св. Василий заканчивает свое письмо следующим патетическим призывом: «А между тем, наши дела находятся сейчас в более тяжелом и печальном положении и нуждаются в бóльшей заботе. Ведь мы оплакиваем не разрушение земных построек, но захват церквей; мы видим не рабство телесное, но пленение душ, совершаемое ежедневно поборниками ереси. Так что, если вы не восстанете уже сейчас нам на помощь, немного после вы уже не найдете, кому бы протянуть руку, так как все подпадут под владычество ереси» (105). Как мы видим, св. Василий считал помощь Рима необходимой, чтобы спасти восточные церкви от ереси. Он пламенно желал этой помощи. Но исторические примеры, приводимые им, показывают однако, что он понимал эту помощь скорее, как братскую поддержку, внушенную любовью, чем как церковное вмешательство, основанное на праве. К тому же, этот долг братской помощи, хотя и был особенно свойствен римской церкви, являлся, по его убеждению, общей чертой всех церквей. Во всяком случае, он обращается к епископу римскому, как к собрату, а не как к вождю. Никогда он не упоминает ни об особенных прерогативах римской кафедры, ни о специальном положении ее епископа в Церкви для того, чтобы оправдать свою просьбу о помощи. А между тем эти римские притязания в эту эпоху уже начинали быть хорошо известными на Востоке. Чрез посредство епископа римского св. Василий обращается на самом деле ко всему Западу. Может быть по всему этому папа Дамас ему никогда не ответил на это письмо (106).

В своем 69-м письме св. Афанасию Александрийскому св. Василий говорит с большими подробностями о власти римских епископов. Дело снова идет о самой скорой посылке на Восток западной епископской делегации для поддержки там православия и канонического порядка. «Нам показалось соответствующим (обстоятельствам)», пишет св. Васи-

(104) Там же 1.32-34 (436 А)

(105) Там же 1.43-52 (436 В).

(106) Как правильно замечает Др. Аманд де Мендиета: «C'est la lettre d'un collègue à un collègue, d'un évêque à un autre évêque... Ce n'est certes par la lettre qu'aurait écrite un fils fidèle et obéissant de l'Eglise romaine, un Jérôme ou un Ambroise, par exemple, ni même un Augustin». (цит. соч. с. 155).

лий, «написать письмо епископу римскому, чтобы он рассмотрел бы наши дела и высказал бы свое мнение (γνώμην), дабы, так как трудно (107) послать когонибудь из тамошних на основании общего и соборного решения, он сам бы проявил свою власть в этом деле (αὐθεντῆσαι περὶ τὸ πρᾶγμα), выбрав мужей способных перенести труды путешествия, способных также своею кротостью и твердостью права вразумить совратившихся среди нас» (108). Как видно, св. Василий считал, что было бы более нормальным, чтобы делегация западных епископов была бы избрана западным собором, но так как представлялось трудным быстро собрать такой собор и так как дела не могли ждать, римский епископ мог бы решить сам этот вопрос и выбрать делегатов своею властью. Св. Василий признавал следовательно за римским епископом особую власть и авторитет по отношению к своим епископам, на Западе очевидно, так как дело шло о замене западного собора и о посылке западной делегации. Св. Василий не дает никакого богословского основания этой особой власти римского епископа на Западе. Можно предположить, что для него это было просто историческим фактом. Естественно, эти западные епископы должны были принять деятельное участие в работах общего собора, собранного на Востоке, хотя их авторитет на этом соборе как будто бы более зависит от их личных способностей (кротость и твердость), чем от того обстоятельства, что они являются представителями Рима или Запада.

Во всяком случае, самый факт быть в общении с Римом не имел для св. Василия решительного значения. Оно не было необходимым для того, чтобы принадлежать к Церкви и быть православным. Для св. Василия важным было находиться в общении с епископатом в его целостности. Рим был для него только одной из церквей, среди самых значительных, несомненно, но не единственной или занимающей особое место. Так в своем 251-м письме, уже цитированном нами (109), св. Василий перечисляет церкви, где провозглашается одна и та же вера, — Селевкия, Константинополь, Зила Лампсак, Рим, он ставит на пятое место посреди других церквей и не придает ему никакого особого значения. Позиция св. Василия выявляется еще более ясно в его 214-м письме графу Теренцию относительно антиохийского раскола. «До нашего слуха дошло», пишет св. Васи-

(107) δύσκολον т. е. «трудный», а не «неприятный», как переводит Куртон на стр. 162.

(108) Ер. 69.1 1.33-40 (432 А).

(109) См. сн. 77

лии, «что братья группировки (συντάξεως) Павлина... распространяют, как я слышу, письма с Запада, поручающие им епископство антиохийской церкви, несправедливо же отстраняющие чудеснейшего епископа истинной Церкви Божией, Мелетия» (110). Св. Василий объясняет это неведением и предвзятостью западных. Вновь выражая свое желание мира и единения, он вместе с тем открыто говорит, какое малое значение имели для него письма из Рима, когда они находились в противоречии с истиной и справедливостью. Он пишет: «Но так как мы никого не обвиняем, а, напротив, желаем иметь любовь ко всем, особенно же к близким по вере, мы радуемся вместе с получившими письма из Рима. И, если в них имеется какое нибудь серьезное и значительное свидетельство в пользу получивших их, желаем, чтобы оно оказалось истинным, подтверждаемым самими делами. Но, конечно, мы не можем ради этого убедить себя когда нибудь или игнорировать Мелетия или забыть о находящейся под его управлением церкви или счесть незначительными вопросы, из за которых с самого начала произошло разделение, и считать эту разницу маленькой по отношению к целям благочестия. Лично же я, только потому, что кто то получил человеческое письмо и поэтому много о себе думает, никогда не соглашусь уступить, даже если такое письмо пришло с самих небес, но не следует основам здравой веры, я не смогу считать находящимся в общении со святыми его автора» (111). Для св. Василия, значит, «письма из Рима» (τὰ ἀπὸ Ῥώμης γράμματα) являются только «человеческими письмами». Он совершенно не считает себя обязанным руководствоваться ими в догматических и канонических вопросах. Самое важное, согласно со св. Василием, не римские письма делают нас общниками святых, но здоровые основы веры.

Образ действия св. Василия в церковных событиях своего времени показывает лучше даже, чем его писания, что Рим не был для него высшим авторитетом в вопросах вероучения или церковного строя. Его отказ подписать исповедание веры, не различающее между сущностью и ипостасью, присланное ему Дамасом, и которое он делал условием своего общения со св. Василием (112); его отказ признать Павлина епископом антиохийским и отречься от Мелетия, несмотря на то, что Рим признавал Павлина и счи-

(110) Ер. 214.2 1.4-11 (785 А).

(111) ib. 1.20-33 (788 А).

(112) См. Amand de Mendieta, цит. соч. «Divergence théologique en matière trinitaire. La querelle des hypostases», ст. 137-141.

тал Мелетия схизматиком и даже еретиком; наконец тот факт, что он избегал, как мы видели, обращаться к епископу римскому, Дамасу, и предпочитал писать совокупности западных епископов, все это показывает, что для св. Василия Рим не обладал неоспоримым и всемирным авторитетом.

Но, тем не менее, отношение св. Василия к Риму не было всецело отрицательным. Он был убежден, что Запад и епископ римский в частности, в силу его особенного положения на Западе, могут быть очень полезными восточным церквям. Он считал весьма желательной их братскую помощь, лишь бы только она оказывалась со знанием восточных дел и в духе смирения и понимания. Этого нельзя было сказать о папе Дамасе. Для св. Василия это был «гордый и надменный человек, где то высоко восседающий и вследствие этого не способный слушать тех, кто, находясь внизу, говорят ему истину» (113). В другом своем письме, св. Василий не только обвиняет Дамаса в личной гордости и невежестве, но, расширяя свое обвинение, утверждает, что римские епископы покровительствуют и поддерживают на Востоке еретиков. Он пишет, что всякая попытка войти в сношения с Дамасом была бы бесполезной, так как «это гордый муж» (ἀγήνωρ). И в самом деле, высокомерные характеры, когда им угождают, обычно становятся высокомернее самих себя. Но если Господь смилуется над нами, в какой другой помощи мы будем нуждаться? А если гнев Божий будет продолжаться, какая польза от западной гордости? (τῆς δουτικῆς ὀφροῦς) Эти люди не знают истины и не терпят ее узнать, но предрасположенные ложными подозрениями, делают тоже в наше время, что делали раньше при Маркелле, враждуя с теми, кто возвещал им истину, подтверждая же своими действиями ересь. Я сам лично, помимо общецерковного письма, хотел написать их главе (κορυφαίῳ); ничего о церковных делах, разве только, в виде намека, что они не знают истины о наших делах, но и не соглашаются идти путем, по которому они научились бы ей; вообще же о том, что не должно нападать на униженных испытаниями и не отождествлять достоинство с гордостью, так как один этот грех достаточен для создания вражды с Богом» (114). В этом письме несомненно чувствуется много личной горести, испытываемой св. Василием, видевшим как все его усилия в пользу мира и единства церковного терпели неудачу из за действий папы Дамаса. Тем не менее, оно по-

(113) Ер. 213 1.18-20 (792 А В)

(114) Ер. 239 1.11-26 (893 С)

казывает, что для св. Василия, римские епископы могли ошибаться в догматических предметах и что они часто не различали между православием и ересью. Они не раз ей даже покровительствовали.

Таковой нам представляется экумениология св. Василия Великого в ее общих чертах. Многое, конечно, изменилось в мире с того времени. Мы живем в эпоху, многими называемую икуменической, когда христиане разных вероисповеданий стремятся преодолеть свои разделения во имя мира и единства христианского. Этому можно только радоваться и благодарить Бога. Все же мы думаем, что основные положения учения св. Василия о Церкви, равно как и его жизненное отношение к церковным событиям, сохраняют все свое значение по прошествии стольких (шестнадцати!) веков. Все о чем пишет св. Василий исключительно актуально: борьба между истиной и лжеучениями, ереси и расколы церковные, стремления к миру и единству Церкви и пути к их достижению и, наконец, и прежде всего, отношения между христианским Востоком и Западом, между православием и Римом, все это мы встречаем и переживаем в нашей ежедневной христианской жизни, если только мы живем ею в ее полноте. Миротворительный и смиренный дух, различие между существенным и второстепенным в вопросах веры и церковного строя, готовность пожертвовать всем чисто человеческим ради достижения церковного мира и христианского единства, но вместе с тем твердое стояние на страже православия и отвержение всех компромиссов в основных положениях веры и канонического строя Церкви, вот чему учит нас св. Василий Великий делом и словом. Его мысли о Церкви и его церковная деятельность должны служить нам руководством в нашу «икуменическую» эпоху.

Архиепископ Василий

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**